

МАКСИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

кандидат исторических наук, преподаватель Омской духовной семинарии, Омская Епархия Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) (Омск, Российская Федерация)
maxsh1978@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ (на примере обряда «шествие на осятии» в Неделю Вайи)

Исследуется эволюция отношений между Церковью и государством на примере церемонии «шествия на осятии» в Неделю Вайи. Анализируется представление современников о сущности праздника, рассматриваются точки зрения ученых о смысловом значении торжественного мероприятия. В настоящей работе использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. На основе анализа источников и исследовательской литературы сделаны выводы, что в XVI и XVII веках среди современников отсутствовал единый взгляд на распределение амплуа между царем и Предстоятелем Церкви в обряде «шествия на осятии» в Вербное воскресенье. Тем не менее данный праздник был направлен на сакрализацию царской власти. Однако к концу XVII века российские монархи отказались от проведения обряда с участием царя. Отмена торжественных мероприятий связана с двумя процессами: во-первых, обряд эволюционировал в направлении точного воспроизведения евангельского сюжета, что возвышало роль патриарха; во-вторых, усиление самодержавия влекло за собой упразднение взаимодополняющего сотрудничества между государством и Церковью. Выводы настоящего исследования могут служить материалом для дальнейшего изучения эволюции придворного церемониала в России.

Ключевые слова: Вербное воскресенье, семантика придворных церемоний, идеология царской власти, христианская антропология

Изучение семантики, статуса и функций придворных церемоний, ритуалов, обрядов в отечественной науке осуществляется довольно давно и успешно. Данная проблематика разрабатывалась представителями таких наук, как история, религиоведение, культурология, философия¹, также см. [2], [6], [7]. Исследователями предложены представляющие научный интерес подходы к изучению проблемы и методы ее анализа, а также тщательно разработана философская, культурологическая и религиоведческая терминология. В нашей работе представлен пример анализа придворных церемоний российских монархов сквозь призму христианской антропологии. Интерпретация смыслового значения обряда «шествия на осятии» в Вербное воскресенье осуществляется нами на основе системообразующих категорий христианского учения о человеке. Для достижения данной цели в статье анализируются представления современников о сущности торжественного мероприятия в Неделю Вайи, рассматриваются взгляды ученых на семантику придворной церемонии, на основе Священного Предания раскрывается содержание категории «смирение».

Ко времени венчания на царство Великого князя Иоанна IV Васильевича идеология царской власти стала активно проникать во все сферы общественной жизни. Новые взгляды должны были рассеять даже тень сомнения по вопросу легитимности притязаний монаршей власти на более широкие полномочия и прерогативы. Идеология призвана была закрепить достигнутое к началу 1530-х годов усиление велиокняжеской

власти, убедить всех, что укрепление монаршей власти – процесс необратимый, и устраниТЬ на пути к самодержавию сохранившимся от периода феодальной раздробленности различные проявления децентрализации. Ликвидация происходила в первую очередь на идеологическом уровне. По всей видимости, порядки удельного периода должны были быть дезавуированы идеей царя, выполняющего исключительно важную миссию. Идеал общественно-политического устройства, отношений, духовно-нравственного совершенства обозначался богословской категорией «Царство Божие». Общественно-политические аспекты данной категории предполагали ряд элементов, среди которых выделим:

- 1) создание православного царства (учреждение православной монархии);
- 2) церковно-государственный контроль над развитием общественно-политических отношений;
- 3) «смирение» всех слоев населения перед властями.

Царский титул Иоанна Грозного поставил перед властями задачу проекции ключевых положений официального взгляда о сущности царской власти на общественное мнение. Возникла необходимость сформировать в умах современников сакральный образ государственной власти, укоренить представление о неповторимой природе и специфике принадлежащих государю властных полномочий на многие поколения вперед. Одной из форм реализации ожиданий правящей верхушки, направленных на изменение общественно-политической системы, в которой роль, статус царской

власти и принципы взаимодействия власти с общественными слоями были четко определены и закреплены, стал придворный церемониал. Венчание на царство придало придворным церемониям новый импульс развития. Поскольку в средневековой России одним из ключевых принципов легитимности власти являлась степень ее причастности божественному и церковной традиции, то было найдено очевидное решение: церковно-религиозным праздникам, хорошо известным и понятным населению, сообщили статус церковно-государственных мероприятий с участием царя.

Из общего ряда придворных церемоний XVI века своей значимостью и масштабом выделялись несколько торжеств, среди которых особую важность имел обряд «шествия на осятии» в Вербное воскресенье. Исключительную ценность данной церемонии придает легкий в его основу евангельский сюжет «Вход Господень в Иерусалим». Данный эпизод является одним из центральных событий евангельской истории. В нем описывается торжественное прибытие Царя-Христа в город, где Он должен был принять добровольные страдания и Крестную смерть (Мф. 21:1–11; Мк. 11:1–11; Лк. 19:28–40; Ин. 12:12–19). Указанный сюжет прочно связан с тематикой «Спасение» и «Воскресение». Вместе с тем принято полагать, что прибытие Христа в Иерусалим на осле является отголоском помазания Соломона на царство (3 Цар. 1:33–40). В этой связи «Вход Господень» интерпретируется как появление в Иерусалиме подлинного Царя Израиля [1].

И. Е. Забелин, подчеркивая значение церковно-государственного праздника, писал: «Государь являлся в это время народу в полном блеске своего сана, со всем великолепием и пышностью, которые во многом напоминали обычаи Востока. В таком богатом виде верба устраивалась и в последующие годы и являлась еще в большем великолепии по случаю пребывания в Москве знатных иноземцев...»². Создаваемая в обряде неповторимая «эстетика царской власти» являлась одним из используемых механизмов для формирования единственного в своем роде образа государственной власти. Нет ничего удивительного в том, что современники, в том числе и иноземцы, уделяли особое внимание придворным церемониям. Согласно мнению Л. П. Руцинского, для иностранцев «...некоторые частные виды нашего Богослужения были более доступны... таковы, например, совершившиеся всенародно крестные ходы, различные религиозные обычаи народной жизни, соблюдавшиеся в известные праздники... Внешняя церковно-обрядная сторона религиозной жизни Русских по самому своему свойству оставалась более наглядною и доступною для их наблюдения, и по тому могла представить более обильный материал для самого описания»³. По свидетельству современников, обряд «шествия на осятии» в Неделю Всех Святых оставался одним из наиболее значимых торжеств и в XVII веке: «Нам рассказывали, что во всей стране московской особенно торжественноправляют только два праздника в году, именно:

Богоявление и Вербное Воскресенье...»⁴. Согласно устоявшимся в отечественной историографии взглядам, участие монарха в «шествии на осятии» в Неделю Всех Святых имело важное значение.

Исследуя источники по данной проблеме, мы пришли к выводу, что в российском обществе XVI века в контексте становления самодержавной власти не существовало единой позиции как в вопросе о значении обряда «шествия на осятии» в Вербное воскресенье в целом, так и в интерпретации символических образов царя и митрополита в рамках торжественной процесии в частности. Во-первых, проведение обряда с участием царя в XVI веке не имело фиксации в государственных документах. Во-вторых, обряд более ста лет совершался не только в Москве с участием главы Церкви и царя, но и по российским городам с участием архиепископов/митрополитов и царских наместников⁵, также см. [8: 442]. В-третьих, несмотря на постоянно возраставший объем церковно-государственных функций и полномочий монарха, некоторые очевидцы церемонии полагали, что «...митрополит ближайшее лицо к Богу после Богородицы и Св. Николая. Царь признает митрополита выше себя, потому что говорит: “митрополит духовный наместник Бога, я же Царь только временный”». Вследствие этого его величество преклоняется перед митрополитом, например, водит митрополичью лошадь на Вербное воскресение, допускает, что в Крещение при освящении реки Москвы митрополит сидит, а он, царь, стоит на льду»⁶.

Двусмысленность в интерпретации вопроса о распределении амплиа между царем и Первосвятителем в обряде «шествия на осятии» в Неделю Всех Святых перешла и в XVII век. В этом смысле показателен инцидент, произошедший между царем и покинувшим в 1658 году патриаршую кафедру Никоном, по случаю проведения данного обряда с участием царя и Крутицкого митрополита Питирима в 1659–1661 годах. Первое шествие Никон назвал «незаконным и нечестивым духовным прелюбодействием», после двух других в 1662 году предал анафеме митрополита Питирима⁷. У данного эпизода есть и другая сторона. По сути, Алексей Михайлович своим решением назначить при живом патриархе (напомним, что Никон, покинув первосвятительский престол, не отрекался от патриаршеского сана) местоблюстителя патриаршего престола и провести с его участием обряд определил значение царя в данном обряде в частности и в стране в целом. К этому времени церемониальные шествия в Неделю Всех Святых стали на постоянной основе записывать в дворцовые разряды. Как правило, на проведение данного праздника из государевой казны выделялись большие суммы.

Казалось бы, в развитии праздника возобладал вектор на возвеличивание царской власти. Но при новом монархе Федоре Алексеевиче отцы церковного собора 1678 года, по существу, придали торжественным мероприятиям в Вербное воскресенье иное направление развития. Собор

постановил запретить проведение «шествия на осятии» во всех других городах, кроме Москвы, поскольку «страдала честь» и царя, и патриарха: «...несть бо лепо, едва самому патриарху соизволяемое дело низшим архиереям совершили», «...ибо, еже благочестия ради венценосцев попустися... по иным градом творити то дерзают, идже, царское лицо образующе, и не великия чести начальницы осяти предводити сътворяются»⁸. Наложив запрет, отцы собора дали обряду следующую интерпретацию: «...благочестивейши Самодержцы наши благоволят в нем, показания ради народу православному образа смирения своего и благопокорения перед Христом Господем, ибо обычай всесмиренный прияша, еже возседшу Патриарху на жребя, в память въехания Господня во Иерусалим, смирят и высоту свою царьскую и скипетрокрасныма рукама си узде того осяти прикасатися и тако... сослужителствовати Христу Господу: за сие убо дело есть похвално, ибо мнози толиким смирением Царя земного пред Царем Небесным умиляются...»⁹. Иными словами, Церковь стремилась крепко связать светскую и религиозную власть. Но, по всей видимости, российским самодержцам уже было тесно в данном формате отношений. Как следствие, в период с 1697 по 1700 год в дворцовых разрядах была сделана следующая запись: «...в неделю Вайи, из соборные и апостольские церкви Успения пресвятые Богородицы на Лобное место крестного ходу и действа Вайи, против прежняго обыкновения, не было»¹⁰.

История праздника, наполненная неожиданными сюжетными поворотами, привела к формированию в научной литературе нескольких точек зрения на проблему интерпретации обряда «шествия на осятии» в Неделю Вайи. Ряд авторов истолковывает шествие в Вербное воскресенье как смирение царя перед духовной властью с целью возвысить ее авторитет¹¹. В рамках этой идеи выдвигается версия о том, что обряд был напоминанием о «Благодатном христовом царствии и иудейской превратности», где образ «иудейской превратности» смиренно принимала на себя светская власть¹². Согласно другой точке зрения, обряд шествия в Неделю Вайи интерпретируется в качестве возвышения царя в глазах его подданных с безусловным подчинением власти монарха¹³, также см. [5: 19]. Вариантом данной позиции является мнение, что «обряд, делая государя со-причастным Христу и теме духовного Воскресения, утверждал сакральность царской власти, тем самым возвышая ее» [8: 445]. Третья точка зрения гласит: «...в зависимости от внутриполитической ситуации в обряде «шествия на осятии» в Вербное воскресение подчеркивалось значение царской или святительской власти» [4: 17–18].

При наличии в отечественной науке неоднозначных мнений относительно семантики «шествия на осятии» в Вербное воскресенье с участием царя все же следует согласиться, что обряд был призван придать монархии власти сакральные черты. Вместе с тем необходимо определить, как данная церемония должна была работать на

сакрализацию власти государя. На наш взгляд, сформировать аутентичное понимание настоящего обряда возможно через призму христианского мировоззрения. Как известно, одной из ключевых категорий христианской антропологии, раскрывающей суть учения о человеке, является категория «смирение». Христианство главной целью ставит стремление приблизиться к идеальному образу человека, к образу Иисуса Христа, запечатленному в Евангелии. Последование за Христом раскрывается богословами как улучшение, преображение человека. И последование, и преображение возможны только через обузданение своеволия (гордыни), которое, согласно Святоотеческому Преданию, ведет к социальным, политическим, церковным нестроениям и физической смерти. Иными словами, достижение схожести с идеальным образом, с Христом как онтологическим принципом жизни человека, то есть достижение величия, может быть осуществлено только через смирение. Согласно церковному Преданию, «смирение в сочетании с христианским трудничеством делает человека “богом на земле”». Облекаясь в смирение, человек становится настолько богоподобным, что вызывает всеобщую любовь окружающих, которые относятся к нему, как к Богу. Уподобление Творцу через смирение возвращает человеку его первоначальное безгрешное состояние, а также ту гармонию между ним и вселенной, которая была утрачена в результате грехопадения» [3]. Однако возникает вопрос: что представляет собой смирение? Суть данной категории раскрывается в евангельском образе Иисуса Христа: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29); «ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет...» (Лк. 14:11; Мф. 23:12); «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10) и т. д. В своих трудах Исаак Сирин раскрывает значение евангельского смирения: «Смирение Бога... было явлено миру в воплощении Слова. В Ветхом Завете Бог оставался невидимым и неприступным для всякого приближающегося к Нему, когда же Бог облекся в смирение и скрыл Свое величие под человеческой плотью, Он стал видимым и доступным» [3]. Преподобный Иоанн Лествичник, поясняя сущность смирения, пишет о трех его степенях: «Первое... состоит в радостнейшем подъятии уничижений, когда душа распространяющими руками принимает и объемлет их, как врачевство, исцеляющее и попаляющее ее недуги и великие грехи. Второе же по оном свойство есть истребление всякого гнева, и в утоление оного – смирение. А третия и превосходнейшая степень есть совершенное неверование своим добрым делам, и всегдашнее желание научаться»¹⁴. Иначе говоря, Христос, «нарушив» сложившееся представление человека о мироустройстве и миропорядке, девальвировал ценность человеческого знания и мудрости в свете Божественного

Промысла. Коль скоро для достижения глобальных целей (искупления и спасения) требуется «смирение Бога», в жизни человека тем более должно найтись место для смиренния. В соответствии с православным богословием одной из глобальных задач, стоящих перед человечеством, является стремление к идеалу общественного устройства, именуемому «Царство Божие». Для социально-исторической реализации евангельских истин необходимо смирение, в том числе смиление перед властями, которые являются частью промыслительной заботы Бога о мире. Указанная теоретическая конструкция переносится на различные виды общественных отношений, а категория «смирение» противопоставляется гордыне и людской мудрости, а также противникам данных идей, сторонникам децентрализации, широких иммунитетов и привилегий.

По нашему мнению, тема «величие через смиление» является центральной в обряде «шествия на осятии». Величие царской власти раскрывается в ее смирении перед интеллектуальным наследием Церкви и церковными властями как носителями этой мудрости. Тема «величие через смиление» присутствует и в теории симфонии властей, по сути, обозначая диалектику практической реализации взаимодополняющего сотрудничества между государством и Церковью.

Мы полагаем, что причины отсутствия единой позиции в вопросе о значении церемонии «шествия на осятии» в Вербное воскресенье можно обнаружить в тексте самой Библии и практике проведения обряда. Напомним, что, согласно Евангелию, Христос входит в Иерусалим как истинный Царь Израиля. Именно Христа олицетворял глава Церкви в обряде шествия в Неделю Всех Святых. Праздничные мероприятия эволюционировали в действие, в котором в точности стал воспроизводиться новозаветный сюжет: «По позднейшему же чину... Архидиакон произносил из евангелия только слова, сказанные самим Господом. При этом, по особому чину, совершалось приведение осла к архидиакону»¹⁵.

Развитие церемонии в данном направлении не оставляло иллюзий в вопросе, кто, царь или патриарх, является прообразом Христа на земле. По всей видимости, слишком очевидное распределение ролей в торжественном шествии окончательно дискредитировало данный ритуал пред лицом крепнущего самодержавия. Несмотря на то что учреждение обряда «шествия на осятии» в Неделю Всех Святых в качестве церковно-государственного праздника было связано с венчанием на царство Великого князя Иоанна IV Васильевича, существовавшая с XVI века неопределенность относительно семантики праздника в контексте формирования и эволюции самодержавной идеологии привела к его полной отмене в конце XVII века.

Сказанное позволяет утверждать, что, во-первых, корректное понимание и интерпретация придворного церемониала российских государей XVI–XVII веков возможны на основе ключевых принципов христианского мировоззрения; во-вторых, историческая судьба обряда «шествия на осятии» в Неделю Всех Святых в свете становления самодержавия становится понятной сквозь призму диалектики практической реализации христианских идеалов и принципов в конкретной социально-исторической и политической ситуации. По всей видимости, российские государи были готовы к смилению, но при нескольких условиях:

- 1) Великие князья готовы были смиляться, но не перед личностью митрополита/патриарха;
- 2) Предстоятель Церкви не должен был иметь самостоятельной общественной позиции;
- 3) Церковь должна была содействовать установлению самодержавной власти в условиях незрелой системы государственного управления.

Взаимодополняющее сотрудничество государства и Церкви потеряло свою актуальность с того момента, как правящая династия смогла возвыситься и господствовать над феодальной аристократией. С тех пор начинается поиск иных форм выражения легитимности претензий монарха на неограниченную власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 400 с.
- ² Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. I. Изд. 3-е с доп. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. 759 с.
- ³ Рущинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. М.: Университетская типография, 1871. 335 с.
- ⁴ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архиепископом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Н. Муркося (по рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел) // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1897. Кн. IV. Отд. III. С. I–VIII, 1–202.
- ⁵ Бередников Я. И. О некоторых рукописях, хранящихся в монастырских и других библиотеках // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Ч. LXXVIII. Отд. II. С. 85–112; Красносельцев Н. К истории православного богослужения. По поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне употребляющихся. Казань: Типография императорского университета, 1889. 246 с.; Куприянов И. К. Отрывки из Расходных книг Софийского дома за 1548–й год. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1861. 36 с.; Никольский К., прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.; Чиновник новгородского Софийского собора / Предисл. А. Голубцов // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. II. Отд. I. С. I–XX, 1–272.
- ⁶ Середонин С. М. Известие англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1884. Кн. IV. Отд. III. С. 1–105.
- ⁷ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. I. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. 532 с.

- ⁸ Соборное определение о том, чтобы обряд шествия на осляти совершают было только Патриархом, в Москве, в присутствии царя // Акты археографической экспедиции. Т. IV. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. С. 308–309.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Дворцовые разряды: В 5 т. Т. IV. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1855. 586 с.
- ¹¹ Зызыкин М. В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Ч. I–III. Варшава: Синодальная типография, 1931. 1163 с.; Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей. Харьков: Типография и Литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 400 с.; Никольский К., прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.
- ¹² Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский [Смирнов]. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. Отд-ние 2. Изд. 3-е. СПб.: Типография Медицинского Департамента Министерства внутр. дел, 1823. 852 с.
- ¹³ Духовная беседа: Еженед. изд. при Санкт-Петербургской духовной семинарии. 1871. Т. II. № 52. 938 с.; Марковин Н. Богомольные выходы древних русских царей по сравнению с такими же выходами Византийских императоров // Христианские древности и археология. 1872. Т. I. Кн. 1. С. 1–72; Сахаров В. Очерки церковных «действ» в древне-восточной Руси // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1880. Апр. С. 521–542.
- ¹⁴ Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица (в русском переводе). 5-е изд. Козельской Введенской Оптины пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898. 381 с.
- ¹⁵ Никольский К. прот. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1885. 411 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еп и ск о п К а с с и а н (Б е з о б р а з о в). Христос и первое христианское поколение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1 (дата обращения 10.07.2016).
2. Л и с и н а Е. А. Homo Ritualis. Миф, история, современность. Ногинск: Аналитика Родис, 2011. 282 с.
3. М и т р о п о л и т И л а р и о н (А л ф е е в). Духовный мир преподобного Исаака Сирин [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Alfeev/dukhovnyj-mir-prepodobnogo-isaaka-sirina/5 (дата обращения 15.07.2016).
4. С к р и п к и н а Е. В. Обряд «шествия на осляти» в контексте церковно-государственных отношений во второй половине XVII в. // Омский научный вестник. 2011. № 6–102. С. 15–18.
5. С т е н н и к о в а П. А. Церковно-театрализованные действия в России XVI–XVII вв. (на примере «пещного действия» и «шествия на осляти» в Вербное воскресенье): Автореф. дис. ... кан. ист. наук. Челябинск: Копировальный центр ЧП Мякотин, 2006. 26 с.
6. Т о п о р о в В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
7. У г р и н о в и ч Д. М. Обряды. За и против. М.: Политиздат, 1975. 178 с.
8. У с п е н с к и й Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

Shevchenko M. N., Omsk Seminary in Omsk diocese of the Russian Orthodox Church (the Moscow Patriarchate) (Omsk, Russian Federation)

THE EVOLUTION OF CHURCH-STATE RELATIONS IN RUSSIA OF THE XVI – XVII CENTURIES (CASE STUDY OF THE RITUAL “PROCESSION ON A DONKEY” DURING THE WAILLY WEEK)

The paper investigates the evolution of relations between the Church and the State on the example of the “procession on a donkey” ceremony on Palm Sunday. The representation of the holiday’s contemporary nature is analyzed; the scientists’ understanding of the semantic meaning of the solemn event is considered. In this paper we used both historical-genetic and historical-comparative research methods. Based on the analysis of sources and research literature it was concluded that in the XVI and XVII centuries there was no single opinion among contemporaries on the distribution of roles between the king and the Primate of the Church in the ritual “procession on a donkey” on Palm Sunday. However, the celebration was aimed at sacralization of imperial power. By the end of the XVII century Russian monarchs refused to conduct the ceremony with the king’s participation. Cancelation of celebrations was connected with two processes: first, the ritual evolved in the direction of accurate reproduction of the Gospel story that elevated the role of the patriarch; secondly, the strengthening of autocracy entailed abolition of synergistic collaboration between the State and the Church. The findings of this study may serve as a material for further study of the evolution of the court ceremonial in Russia.

Key words: Palm Sunday, semantics of courtly ceremonies, ideology of Imperial power, Christian anthropology

REFERENCES

1. Еп и ск о п К а с с и а н (Б е з о б р а з о в). *Khristos i pervoe khristianskoe pokolenie* [Christ and the first Christian generation]. Available at: http://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/hristos-i-pervoe-hristianskoe-pokolenie/1_4_1 (accessed 10.07.2016).
2. Л и с и н а Е. А. *Homo Ritualis. Mif, istoriya, sovremennost'* [Homo Ritualis. Myth, history, modernity]. Ногинск, 2011. 282 p.
3. М и т р о п о л и т И л а р и о н (А л ф е е в). *Dukhovnyj mir prepodobnogo Isaaka Sirina* [The spiritual world of St. Isaac the Syrian]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Alfeev/dukhovnyj-mir-prepodobnogo-isaaka-sirina/5 (accessed 15.07.2016).
4. С к р и п к и н а Е. В. The ritual “procession on a donkey” in the context of church state relations in the second half of the XVII century [Обряд “шествия на осляти” в контексте церковно-государственных отношений во второй половине XVII в.]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2011. № 6–102. P. 15–18.
5. С т е н н и к о в а П. А. *Tserkovno-teatralizovannye deystva v Rossii XVI–XVII vv. (na primere “peshchnogo deystva” i “shestviya na oslyati” v Verbnoe voskresen'e)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Church-theater performances in Russia XVI–XVII centuries. (For example, «peshchnogo action» and «procession on a donkey» on Palm Sunday): Author’s abst. PhD. hist. sci. diss.]. Челябинск, 2006. 26 p.
6. Т о п о р о в В. Н. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti misopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth, Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Favorites]. Moscow, 1995. 624 p.
7. У г р и н о в и ч Д. М. *Obryady. Za i protiv* [Rites. Pros and cons]. Moscow, 1975. 178 p.
8. У с п е н с к и й Б. А. *Tsar'i patriarch: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyeskaya model'i ee russkoe pereosmyslenie)* [The king and the patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian reinterpretation)]. Moscow, 1998. 680 p.

Поступила в редакцию 12.01.2017